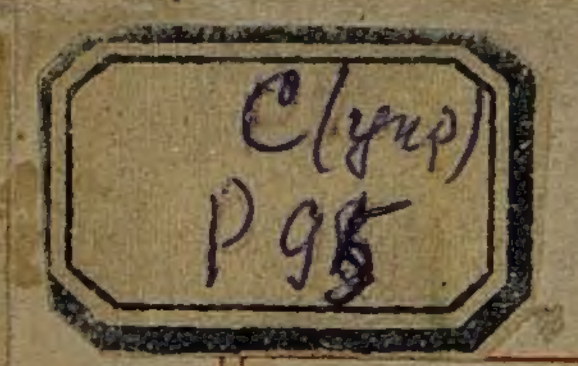
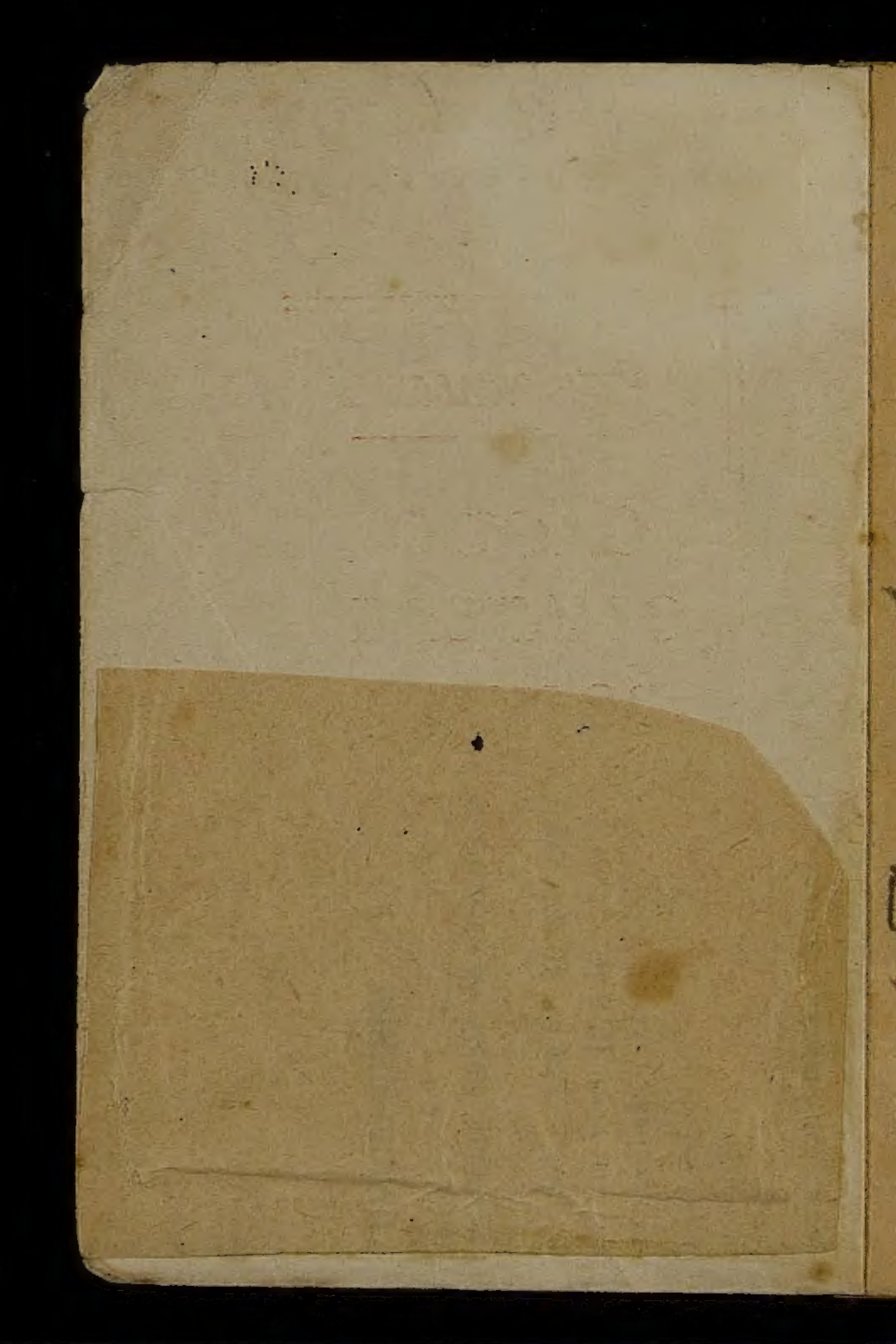

МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ

СЛОВО О МАТЕРИ РОДИНЕ

Гослитиздат 1943

МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ

СЛОВО О МАТЕРИ-РОДИНЕ

СТИХИ 1941—1942 г.

ОГИЗ
Государственное издательство художественной литературы
Москва 1943

*Перевод с украинского
под редакцией
Бориса Турганова*

СЛОВО О МАТЕРИ-РОДИНЕ

Благословен тот день и час,
Когда раскинулась коврами
Земля, которую Тарас
Босыми исходил ногами,
Земля, которую Тарас
Горючими омыл слезами.

Благословенны в болях ран—
Степей раздолье, ширь степная,
Плывущая, как океан,
Херсона стены окаймляя,
Свой молодой, девичий стан
К Днепру могучему склоняя.

Благословенна будь в веках,
Как солнце в глуби небосвода,
Как птичий голос в облаках,
Ты, песня—скорбь и смех народа!
Отвагу будишь ты в сердцах,
Когда нависла непогода.

Благословенны вы, следы,
Не смытые волной тревожной,
Мечтателя Сковороды,

Бредущего с сумой дорожной
На поиски живой воды
Своей дорогой непреложной.

Благословен мечей стальных
Огонь—отчизны честь и слава,
И топот конников лихих,
И моря пенная держава,
И «Энеиды» колкий стих,
И тихие сады Полтавы,

Как гром, звучащие в века
Шевченка строки огневые,
И молот мудрого Франка,
И струны Лысенка живые,
И лавр бессмертного венка
Над Заньковецкой, над Марией.

И труд, и пот благословен,
И все плоды земного сада,
И кленов придорожных плен,
И строгий огонек лампады,
И вдоль седых кремлевских стен—
Знамен багряная ограда.

Благословенна синь озер,
И Псел, и терпкий дух полынный,
Народ, которого не стер
И не сотрет наскок звериный.
Благословенна меж сестер
Та, что зовется Украиной!

Кто глубину днепровских вод
Расплещет хитростью лукавой,
Кто клады, что сберег народ,
Расхитит силою неправой,
Кто сердца самый чистый плод
Отравит черною отравой?

Настанет день, настанет час,
И разольется вновь медами
Земля, которую Тарас
Своими освятил делами,
Земля, которую Тарас
Своими окрылил словами.

Ужель судьба погибнуть ей,
Потопленной в крови багровой,
Когда зовет и шум ветвей
На правый бой, на бой суровый,
Когда жива она в своей
Семье—великой, вольной, новой?

Как опадут ее цветы,
Когда настало время сева,
Когда, с низин до высоты,
Народ, как лев, рычит от гнева,
Лисицы брешут на щиты
И кличет див с вершины древа?

Кто посмеется над струной,
Где скрыта память о Баяне,
Кто запахи травы степной
Погасит в гнилостном тумане,

Кто гробовою пеленой
Оденет Киев наш и Канев?

Рокочет Днепр, шумит Сула,
В Карпатах отзвук отдается,
И зов подольского села
К Путивлю древнему несется.
Иль совы заклюют орла?
Нет, правда кривде не сдается!

Земля родная! Знаешь ты:
Близки завещанные сроки!
Встает народ, гудят мосты,
Кипят весенние потоки!..
Лисицы брешут на щиты,
Но солнце брезжит—на Востоке!

1941

Я—СЫН СТРАНЫ СОВЕТОВ

Я—сын моей страны. Вы слышите, иуды
С печатью Каина на зачумленном лбу?
Нет, кровью матери я торговать не буду,
С судьбою родины я слил свою судьбу!

Не только в дни торжеств, на камне пьедестала,
В гирляндах из цветов и в золоте лучей,—
Стократ милей теперь она для сердца стала,
Разящая огнем убийц и палачей.

В крови, в стенаниях, в рыданьях
несказанных,
В порыве подвига, живого навсегда,
Блистательнее всех небес благоуханных
Сияет нам ее вседневная страда.

Нам черствый хлеб ее священнее
святыни,
Снега зимы ее прекрасней, чем весна,
И то, что мукою она повита ныне,—
Лишь знак, что оживет для радости она!

Я—сын моей страны, той, что своею
кровью
Всем племенам земным несет свободы
свет.
Ведь каждый злак в полях преклонится
с любовью,
Советского бойца встречая в час побед.

Я—сын моей страны, той, что мечом
и словом
Сметет противника со всех своих дорог;
Еще чело ее горит в венке терновом,
Но слава уж плетет лавровый ей венок!

Дым от пожарища вздымается все выше,
Но встретит гибель враг средь вековых
равнин...
О, светлая заря, тебя я вижу, вижу!
Страны Советов сын—я нашей правды
сын!

1942

СЛОВО И ОТКЛИК

Сошлись мои друзья, обветренные боем,
И в алых сумерках нависнувшей зимы
В одном стремлении сомкнули руки
мы,—
Что грудью от врага свой стяг и хлеб
закроем.

И свой привет в эфир послали мы
героям
На взрытые огнем и танками холмы...
Ты, слово вещее! Набатом грянь из тьмы,
Сзывая их на бой, бодря и беспокоя.

И нам принес эфир их пламенный ответ,
Что над землей уже зари забрезжил
свет,
Что лютого врага слабеет злая сила,

Что близится уже победы нашей срок,
Что возрожденья день счастливый
недалек,
Что синий свод небес весна позолотила!

1942

ОГОНЬ, ЖЕЛЕЗО И СВИНЕЦ

Куда вы сунулись в своем хвастливом
зуде?
Зачем вы лезете в советский огород?
Уж не в надежде ли, что славный наш
народ
Вам хлеб и соль подаст на золоченом
блюде?

О да, как следует мы принимаем орды
Гостей непрошеных, готовя им конец!
Мы мечем в них огонь, железо
и свинец—
На лапы грязные, в оскаленные морды!

У нас старинный счет. Забудем мы
нескоро,
Как их сапог топтал Украйну в оны
дни,—
Но помнят до сих пор, наверно, и они,
Как наш народ прогнал их бешеные
своры!

За пядь родной земли, за каждый вскрик
дитяти,
За слезы матерей, за братьев и отцов
Здесь каждый—слышите?—отдать себя
готов,
И даже камни здесь взывают о расплате!

Одна лишь мысль у нас, и сердцем
мы едины,
Мы знамя Сталина, как солнце,
вознесли,
И вы, проклятые, сюда напрасно шли—
Мы кол осиновый загоним в ваши
спины!

Все: труд рабочего, и мужество героя,
И каждый дар земли, и каждый всплеск
воды,
И села пышные, и города-сады—
Все поднялось на вас, усилия утроя!

Беснуйтесь! Ройте прах когтями
и зубами!
Ползите, черные, тупые пауки,—
Вы не избегнете карающей руки!
Над вами—тьма и кровь, а солнца
свет—над нами!

1941

СЛОВО ГНЕВА

Булыжник, вражьей брошенный рукою,
На наше поле с грохотом упал...
Но большевик перед угрозой боя
Нигде и никогда не отступал.

Кровавясь пастью, хищник в исступленьи
Грозит нам ревом жадным и глухим,

Но нас никто не ставил на колени,
Мы все идем под знаменем одним.

Мы все—народ, в одно навеки слитый,
Мы все—могучий и победный взлет,
И не понять вам, черные бандиты,
Какой огонь в груди у нас растет.

Мы все—стальная сталинская сила,
Мы все—завет священный Ильича...
Так пусть рука, что первой меч схватила,
Сама теперь погибнет от меча!

1941

ПРОКЛЯТИЕ

Не рыцарский шелом—убийцы ржавый нож
Ты к Дону синему предательски несешь,
Ты пеной бешенства обрызгиваешь степи,
Где веет славою серебряный ковыль,
Ты хочешь умертвить в средневековом склепе
Лазурных наших дней ликующую быль,
Ты рвешься в ярости сквозь пуль разящих вьюгу
Туда, где мнишь спастись,—к сияющему югу.

Проклятие тебе, тупой и злобный фриц,
От тучных пажитей, от голубых станиц,

Проклятие тебе за всех детей убитых,
За жен поруганных, за неутешных вдов,
За тишину полян, снарядами разрытых,
За кров родимый наш—испепеленный
кров,
За братьев, отданных невольничьему
рынку,
За каждую слезу и каждую былинку!

Проклятие тебе от каждого стебля,
Что вырастила нам советская земля,
От каждой борозды, что плугом
провели мы,
Для счастья светлого взрывая целину,
От друга верного, от девушки любимой,
От украинских сел, томящихся в плену!
Проклятие тебе! И пусть в проклятьи
этом
Твой смертный приговор, как смерч,
встает над светом!

1942

ЗВЕЗДА ПОБЕДЫ

Двенадцать месяцев—кровавых
Двенадцать пролетело птиц.
В окопах дымных, на заставах,
В багровых сполохах зарниц,
Среди страданий и лишений,
В труде горячем и в бою
Народа чудотворный гений
Победу выкует свою.

Как жизни трепетное пламя,
Сквозь тьму, сквозь кровь,
сквозь вражий вой
Она сияет перед нами
Неугасимою звездой.
Подъята грозная секира!
Последним взмахом огневым
Мы завоюем мир для мира
И людям счастье возвратим.

1942

МОЙ СВЕТЛЫЙ КРАЙ!

Не в облаченьи золотистом,
Не ярким пламенным лучом,—
Раскатом грома в небе чистом
Она пришла в наш дом лучистый,
Железным разлилась дождем.

Там, где мы яблони сажали,
Учили грамоте детей,
Где наши силы освежали
Ветра, что песнями дышали,—
На нас дохнула тьма ночей,

Дохнул могильный мрак холодный,
Смерть проложила черный след,
Когда, грозя стране свободной,
Как ворон, фюрер сумасбродный
Крылами затемнил нам свет.

Бездушным и тупоголовым
Он праздник крови обещал,

Он тешил их жестоким словом,
На пиршество в дыму багровом
Он их бесстыдно созывал.

Шли автоматы на добычу,
Зубами волчьими стуча.
Им незнаком был наш обычай,
Где сын и мать равны величьем,—
Одна в них воля горяча.

Враги испуганно раскрыли
Ледяшки оловянных глаз,
Когда грозой их угостили,—
Они дивились странной силе,
Которая на них взвилась.

Упал боец—навеки слава!
Навеки честь—другой идет!
И каждой раны знак кровавый,
Как знамя воли величавой,—
Оно к победе нас ведет.

О, знаю, счета нет утратам
И за ударом вновь удар,
В моем краю пылают хаты,—
Но мстит врагу там брат за брата,
С мечом проходит сквозь пожар.

Двенадцать месяцев кровавых—
Двенадцать быстрокрылых птиц!
И сколько там, в высоких травах,

Сложила правда тел неправых,
Поверженных навеки ниц.

Когда померкнут наши воды
От крови зверя-палача,
И канет даже тень урода,—
Тогда лишь стихнет гнев народа
И мщенье правого меча.

Клянусь я—плоть твоей я плоти,
И от твоей я крови кровь!
Клянусь тебе, в крови, в заботе
Ты золотые дни воротишь,
Вернешь ты людям счастье вновь.

Приблизь же день, когда исчезнет
Последний изверг на земле,
Где дружно с волею железной
Боролись мы за свет наш звездный
На славных башнях—свет в Кремле.

Народ мой! Жизнь родного края,
Ты—жизнь моя, любовь моя!
Твой день счастливый прозреваю,
У ног твоих шипит, я знаю,
Полуиздохшая змея!

1942

ЗА РОДНУЮ ЗЕМЛЮ

На радостные зори,
На ласковые воды
Разруху, смерть и горе
Несут нам вражьи орды.
Так пусть же сон проклятый
Врагам недолго снится—
Не целый век топтать им
Ячмень наш и пшеницу!

Эй, смело стань,
Эй, прямо глянь,
Злодея изгоняя!
На славный бой,
Последний бой,
Зовет страна родная.

За нивы золотые,
За ясный смех ребячий,
За песни молодые,
За честный труд горячий
Вперед—врагам на горе,
Под знаменем свободы—
За радостные зори,
За ласковые воды!

Эй, смело стань,
Эй, прямо глянь,
Злодея изгоняя!
На славный бой,
Последний бой,
Зовет страна родная.

За кровь сестры и брата,
За слезы, за пожары
Проклятых ждет расплата,
Разбойников ждет кара!
Чтоб жить нам в мире, в дружбе,
Счастливой вольной жизнью,
За Сталина—к оружью!
К оружью—за отчизну!

Эй, смело стань,
Эй, прямо глянь,
Злодея изгоняя!
На славный бой,
Последний бой,
Зовет страна родная.

1941

ПОД СОЛНЦЕМ ОКТЯБРЯ

Как звучная кобза и как степной
курай,—
Надежды звонкий голос!
В крови потопленный, воскреснет
вольный край,
Зазеленеет колос!

Под солнцем Октября росли и крепли
мы,
Под знаменем багряным,
И не осилить нас гнилому царству тьмы,
Отравленным туманам.

Гарбибиморена

За творчество, за труд, за вечные права
Бойцы готовы к бою.
И, как маяк, светла великая Москва
Над бурей мировою!

1941

ГИМН

В боях закаляясь, в труде не сгибаясь,
Мужая средь бурь и невзгод,
Встает на просторе, на суше и море,
Великий советский народ.

В бурях вырастай,
В братстве расцветай,
Необъятный, многоцветный
Наш Советский край!

Пылает советское знамя багрово
И наша сверкает звезда,
Как Ленина слово, как Сталина слово,
Как воля народа, всегда!

Как светлый маяк всем народам
и странам,
Красуется, вечно жива,
Сердца все, как реки, собрав океаном,
Столица народов—Москва!

Рассеем враждебные тучи ненастья,
Полночный туман разобьем,

Ведь к цели высокой, к всеобщему
счастью
Идем мы в стремленьи одном.

Никто не отнимет у нас, нападая,
Добытого нами в боях.
Одна у нас только отчизна родная,
Как солнце одно в небесах.

Сияй же над миром лучисто и ново,
Гори, коммунизма звезда,
Как Ленина слово, как Сталина слово,
Как воля народа, всегда!

В бурях вырастай,
В братстве расцветай,
Необъятный, многоцветный
Наш Советский край!

1942

МОСКВА

Сердце народов и разум земли,
Родина вольнолюбивых и смелых!..
Вражье оружье ржавеет в пыли
Сел подмосковных, и прахом легли
Черные силы у стен ее белых.

Там мы, друзья, собирались не раз
Тесной семьею в беседе и в деле,
Там обнимал Украину Кавказ,
Там наших песен гранился алмаз,
Там наши лучшие замыслы зрели.

Там правдолюбца-Толстого следы,
Смех Грибоедова неугасимый.
Там Маяковского дни и труды
С Пушкиным встретились—вешней воды
Бурные волны с валами морскими.

Там беззакатной свободы рубин
Миру сияет звездою пунцовой,
Дорог там каждый, кто вольности—сын,
Там, в средоточьи всех гор и долин,
Громом разносится Сталина слово.

Пусть же звучат нашей клятвы слова,
Перелетая поляны и реки,
Все пусть услышат, что вечно жива,
Не пошатнулась, не пала Москва
И не падет—наше сердце—вовеки!

1941

ПОРТРЕТ ЛЕНИНА

Его портрет—в селянской хате скромной,
Его портрет—в землянке у бойца,—
Портрет того, кто волею огромной
Соединил народные сердца.

Его портрет, который наши дети
Цветами любят нежно украшать,—
Портрет того, кто в глубине столетий,
Как солнце, землю будет озарять.

Когда враги грозят нам черным ядом,
Мы, как святыню всех святынь, храним

Его портрет, всегда висящий рядом
С другим портретом,—как и тот,
родным.

1942

ЛЕНИН С НАМИ

Когда рождался новый мир, во прах
Повергнув старый,—мы в те дни
как знамя
Несли в боях, страданьях и трудах
Слова простые: мудрый Ленин с нами.

Когда наш день стоцветно засверкал,
Зацвел неугасимыми огнями,—
От гор Кавказа и до финских скал
Слова гремели: мудрый Ленин с нами.

Когда, могучий окрылив народ
В борьбе священной с черными врагами,
Великий Сталин нас на бой зовет,—
Мы говорим: великий Ленин с нами.

1942

ВОЖДЬ КРАСНОЙ АРМИИ

Медью певучей, серебряным звоном,
Радостью селам и нивам зеленым
Льется великая весть над страной:
Вождь Красной Армии—Сталин родной!

Тихому Дону, Днепру голубому,
Каждому полю и каждому дому

Клич посылает, сзывая на бой,
Вождь всех трудящихся, Сталин родной.

Враг наш коварен, жесток и неистов,
Но неминуема гибель фашистов.
Все мы наполнены волей одной:
Сердце и разум наш—Сталин родной!

Рать светозарная грозно восстала,
С Волги великой, с предгорий Урала
Громом несется наш гимн боевой:
Славен победами Сталин родной!

С ним побеждали мы полчища белых,
С ним мы фашистов побьем оголтелых,
Он—наше солнце, наш мир и покой,
Вождь Красной Армии—Сталин родной!

[redacted]

МЫ ПОЧУВСТВОВАЛИ

Мы почувствовали, братья, снова
Трудовую теплую ладонь,
Пылкость юности среброголовой
И покой—горячий, как огонь.

И казалось—в волны голубые
Над Днепром глядит издалека
Близ собора древнего Софии
Дом несокрушимого ЦК.

И казалось—крепкий и румяный,
Наш советский, наш родной народ
По широкой площади Богдана
Многолюдною толпой течет.

И казалось—нет, уж не казалось,—
День великий засиял нам вновь!
Украина вновь закрасовалась
Стоголосо сквозь пожар и кровь.

И когда начнем мы, братья, снова
Засевать поля и строить дом,—
То за весь народ тогда Хрущеву
Благодарно руку мы пожмем.

[redacted]

УКРАИНЕ

Украина родимая! Волны полей,
Города лучезарные, белые хаты!
Украина! Горячею грудью своей
Ты встречаешь сегодня врага-супостата!

Украина, живого труда сторона,
Зори ясные, тихие, синие воды!
Украина! Ты в славной борьбе не одна,
В ней с тобою под стягом багряным—
народы!

Не один ты видала разбойный погром,
Помнишь топот, и грохот, и хохот
батыев,—

Но из пепла, сияя лазурным венком,
Вырастал твой певучий, могучий твой
Киев.

Видишь: русский с тобою, башкир
и таджик,
Братья все и друзья—грозной рати
лавина.
Свят союз наш! Народ беспредельно
велик,
Беспредельно силен в своей ярости
львиной!

Мать родная моя! Вслед за черной
грозой
День победы наступит, звеня и сверкая!
Славен будет вовеки священный твой
бой,
Славен серп твой и меч твой, отчизна
родная!

1941

ПИСЬМО НА УКРАИНУ

То дерево, что я растил,
Дождется ли весны?
И с кем из тех, кто сердцу мил,
Мне встречи суждены?
Услышу ль шорох, что живил
Поля моей страны?

Сквозь горы и леса лети
Ты, песня, к той земле,

Где научился я итти,
Не уступая мгле,
И звездный свет искать в пути
На голубом крыле.

Лети же к хатам, где мой брат,
Где друг мой и сестра,
Где враг свиреп, где гарь и смрад
Пожарного костра,—
Голубкою слети на скат
У самого Днепра.

Скажи: я с братьями привык
Быть в счастьи и в беде,
Мне лучше вырвать свой язык,
Но не служить орде,
Что кровью замутила лик,
Прозрачный лик воде.

Скажи: двуострый тяжкий меч
Уж правда занесла,
Чтоб голову тому отсечь
За страшные дела,
Кто саранчовой тучей лечь
Посмел в стране тепла.

Скажи: час солнцу наступил
Зардеть из-за холмов,
Чтоб светлый луч опять живил
И родины сынов,
И дерево, что я растил,
И сад, которому я был
Себя отдать готов.

1942

ПОЛЯКАМ

Народ Мицкевича, Словацкого, Шопена,
Народ Коперника, закованный народ!
Рви цепи ржавые томительного плена,
Гробницы каменной разбей гнетущий
свод!

Как звери мрачные, фашистов воют
пушки,
И смерти тень легла на мирные поля,—
Но ты восстань, земля Тадеуша
Костюшки,
Стряхни с себя позор, Домбровского
земля!

Ты видишь: вот страна великая Советов,
Народов дружбою могуча и сильна,
В сияньи золотом немеркнущего света
На царство тьмы идет, как мощная
волна!

Ты видишь: этот день не повторится
больше,
Борьба решительна, и зов к победе
свят...
За вольность и за честь—на бой,
рабочий Польши!
За дело правое—к оружию, солдат!

1941

ПИСЬМО ЯНКЕ КУПАЛЕ

Мой брат, певец! Враги хитры,
Но знаем мы: идя сражаться,
Две наших матери-сестры
Клялись с мечом не разлучаться.

Скорбь осенила их крылом,
Чело пресветлое овеяв,
Но сквозь пожары, кровь и гром
Они идут, громя злодеев.

Гора Чернечья до поры
Еще в плену паучьей сети,
Но побеждают две сестры
В одном ряду с сестрою третьей.

И не сломить волной штыков,
Не потопить во мгле кровавой
Свирепым сонмищам врагов
Ни наших дней, ни нашей славы.

Отступят хищники назад,
Над ними гром великий грянет.
Вовек не сдастся Ленинград,
Воскреснет Минск, и Киев встанет!

1941

ПИСЬМО УКРАИНЦАМ АМЕРИКИ

Как радуга, что два материка
Сплотила исполинскою дугою,
Как сжатая в другой руке рука,
Два сердца, мыслью зажжены одною,—

Так слово к слову пусть несется вдаль,
Чтоб за морями брат услышал брата,
Чтоб неба океанского хрусталь
Увидел муки украинской хаты.

В огне, в борьбе клокочут наши дни,
И каждый звук зовет на подвиг бранный,
Враги коварны, в бешенстве они,
Но им не растоптать наш стяг багряный.

За нашу волю—братья, вас зовем!—
За нашу правду—сестры, к вам
взываем!—
Мы шли на бой, и вновь на бой идем,
Мы бились, бьемся, биться продолжаем!

За ниву, где струился честный пот,
За все, трудом рожденные, заводы,
За наших песен солнечный восход,
За наши зори и за наши воды

Идем на битву против царства тьмы,
Струящейся над сушей и морями,
И твердо верим: ночь рассеем мы,
И знаем смерть отступит перед нами!

С Днепром подъемлют голосом одним
Москва-река и Волга клич расплаты,
В просторах Азии—приветный дым,
Летит оттул с Кавказа на Карпаты.

Пусть вражьи крылья застилают высь,
Пусть тень от них на нашей милой
ниве,—
Эй, через море, друже, отзовись
В одной надежде и в одном порыве!

Отрубит крылья хищнику мой край
И голову врагу отрубит смело!
Вставай, рабочий! Селянин, вставай!
За нашу славу и за наше дело!

Когда народ встает на битву сам
Непобедимым и единым станом,—
Его вовеки не разбить громам,
Не захлестнуть вовеки океанам!

1941

ЕВРЕЙСКОМУ НАРОДУ

Народу, что векам дал гениев великих,
Народу, что несет из тьмы глухих времен
Высокий, честный дух среди наветов
диких,—
Глубокий мой поклон.

Нас хлеб один вскормил, одни вспоили
воды,
Делили братски мы и радость, и печаль.
И за страну свою, за цвет ее свободы
Нам жизнь отдать не жаль.

Наступят снова дни, ясны и тиховейны,
Борьба кровавая победы близит час,—
И будут нам сиять великий Маркс и
Гейне,
И вам—пророк Тарас.

Пусть буря зла, как зверь,—мы с бурею
поспорим,
В огне, в дыму боев отважно мы идем
С усмешкой мудрою, как старый
Мойхер-Сфорим,
Как Шварцман ваш,—с мечом!

Чем мы тесней идем, тем этот миг
скорее
В сияньи радужном сквозь тьму и кровь
придет...
Не умирать, а жить, украинцы, евреи!
Да здравствует народ!

1942

ЧАША ДРУЖБЫ

До броні, слов'яни, до броні![1]

М. Старицкий

В сумеречной песне колыбельной
И в седом сказаньи о походах,
О походах, подвигах бессмертных,
В соловьином свадебном напеве
Он не раз звенел, переливался—
Вековечный голубой Дунай.
Смутной далью, плеском лебединым
И кровавой древности преданьем,
О раздорах грустною легендой
И о дружбе-побратимстве былью
Он шумел, младенческое сердце
Сладкой болью нежа и чаруя,
Всеславянский голубой Дунай.
Все мы им взлелеяны, славяне,
И в борьбе священной, грозовой,
Как один, подымем чашу дружбы,
Как один, подымем чашу клятвы,
Чашу братства, славы и свободы—
Да погибнет вековечный враг!
Не за кривду мы идем, за правду,
На высокий, честный ратный подвиг,
Чтоб над древней золотою Прагой,
Над кремлевской гордою твердыней,
Над мерцаньем Вавеля суровым,
Над лесной задумчивостью Минска,
Над вершиной Киева цветущей

[1] К оружью, славяне, к оружью!

Смелый ветер вольности шумел.
В час, когда клубилась вражья сила
Черной тучей над Москвою светлой,
За нее в кипучей буйной битве
Все народы братского Союза,
Как один, стояли головою,
Отстояли стяг ее и честь.
Это ль, братья, не пример великий
Единенья, стойкости могучей,
Мужества лучистый образец?
Так подымем выше чашу дружбы,
Так подымем выше чашу клятвы,—
Да погибнет наш коварный недруг,
Да шумит единым светлым шумом
Синий Днепр, серебряная Висла,
Вольной Волги славное раздолье,
Мир славянский—голубой Дунай!

1942

ВЕЛИКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Слышишь—сквозь ночь и кровавое
пламя
Голосу голос ответный звенит!
Слышишь—идет перекличка над нами,
Темных веков сотрясая гранит!

Слышишь—плывет над пучиной морскою
Байрона слово, как трубный призыв!
Пушкин с простертою гордо рукою
Встал над землею, сердца окрылив!

Видишь: он вновь на «Трибуне
народов»[1],
Мощный Мицкевич, борец и пророк!
Видишь: превыше всех каменных сводов
Вьется Шевченка терновый венок!

Слышишь: гремит всем подлунным
языкам
Песнь огневая народных певцов:
«Тесно сплотитесь в бореньи великом
Против коварных, кровавых врагов!

Все племена, все народы земные—
В битву за солнце, за ветер полей!
Сила великая, встань, как стихия!
Черного зверя разбей и добей!

Враг одинок и итти ему не с кем!
Граждане мира, боритесь за мир!
Да озарит ослепительным блеском
Землю свобода—сверкающий пир!»

1941

ПЕСНЬ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Кровавых врагов отражая удар,
Идут, как лавина, и молод и стар:
За день наш крылатый,
За край наш богатый,
За мирные хаты, за радости дар.

---

[1] «Трибуна народов»—название газеты, которую редактировал Адам Мицкевич. *(Прим. автора.)*

От боли смертельной безумствует зверь,
Разбить он не в силах железную дверь.
Грозою сверкая
От края до края,
Отчизна родная, в сынов своих верь!

Сердца свои мыслью единой согрев,
Народ наш великий воспрянул, как лев:
За день наш крылатый,
За край наш богатый,
За мирные хаты пылает наш гнев.

Великого гимна все ширится звук,
Сплелись миллионы трудящихся рук.
Как призрак нечистый,
Погибнут фашисты,
Весь край наш лучистый—натянутый
лук!

Нам Сталин сияет победной звездой,
Он силой и верой живит нас одной:
За день наш крылатый,
За край наш богатый,
За мирные хаты идем мы на бой!

1941

ГОЛОС СЫНА

От мирного труда, от плуга, от завода
Враг нас задумал оторвать
И нашу правду, счастье и свободу
Ногами растоптать.

В бессильной ярости бесчестит он,
проклятый,
Святое дело наших рук,
Терзает край наш, светлый и богатый,
Как мерзостный паук.

Нет, нет! Подавится отродье это злое,
Хлебнув кровавого вина!
Один Дунай кропил славян волною,
Душа у них—одна!

А с ними сплочены грузины и армяне,
И Кремль им светит вдалеке,
И голос Байрона ответствует в тумане
Шевченковой строке.

О родина моя! Не снимет урожая
Злой хищник на твоих полях!
Жила, живешь и будешь жить, родная,
Бессмертною в веках!

1941

ПИСЬМО

Я пишу тебе снова, мой родной,
Это я, мой любимый, тихой рукой
Русый волос от глаз отвела,
Чтобы метче стрельба была.

Это я, мой любимый, в черном бою
Крепко стиснула руку твою,
Это я дуновеньем крыла
Горький пот смахнула с чела.

На работу пора итти,
Ты лети, мой листок, лети—
Ведь дорога твоя пряма.
Полетела б с тобой и сама!

Заалела рябины гроздь,
Будет скоро желанный гость.
Знаешь? Нынче впервые мне
Улыбнулся наш сын во сне...

1941

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Наступает тихий вечер,
Зажигает в небе свечи,
По земле разлит покой...
Спи, сынок мой дорогой!

Там, в далеком темном поле,
Твой отец за нашу долю
Бьется с яростным врагом...
Спи, малютка, крепким сном!

Раным-рано я вставала,
Золотое жито жала
На пригорке, у горы...
Спи, малютка, до поры!

Той высокою горою
Твой отец вернется с боя,
Долгой ночи сгинет тень...
Спи, котенок, скоро день!

Как над нашими полками
Знамя вышито шелками,
Сила наша—вешний цвет...
Спи, дитя, придет рассвет!

Туча черная растает,
Светел, весел день настанет,
Мир лучами золотя...
Спи, сыночек, спи, дитя!

1941

ЖАТВА

Знай: каждое зерно, что ты взрастил умело,
Стрелой смертельною пронзает вражье тело,
Знай: каждый колос тот, что ныне ты собрал,—
Защита родины, гранитных тверже скал.

Знай: жатва—тот же бой за счастие народа,
И если вражьего не хочешь ты прихода,
И если дорожишь свободою своей,—
Дружней в работе будь, и в битве будь смелей.

Пусть будут серп и меч оружием единым,
Над нами пусть никто не будет господином,

Пусть братьев подвиги сегодня
вдохновят
Тебя на честный труд, товарищ мой и
брат!

1942

ЗАРЯ ЗАБРЕЗЖИЛА

Меркнут звезды, белою стеною
Смутный день на рубеже встает,
Сивый снег заносит поле боя,
Черный ворон белый труп клюет.

Все молчит. Страна от мук застыла.
Вдоль пожарищ вьется мертвый дым.
Над Днепром великая могила
Гневно спорит с ветром снеговым.

Ходит ветер за порогом хаты,
Звонко перстнем постучит в окно:
Зазывает посланец крылатый
На хмельное смертное вино.

Гомонят под Каневом селяне,
Ожил Киев, золотом горя,
Ветер с Ясной прилетел Поляны,—
То заря забрезжила, заря!

1942

ВИДЕНИЕ

На пароходе «Крупская» с охоты
Домой мы возвращались. В темноте
Плескался Днепр сквозь сон свой
стариковский,
И с берега луга благоухали,
И день погожий предвещал петух.

Когда ж ночь августа пришла к рассвету
И стукнула в окно его слепое,
То берега и воду скрыл туман
Густой, непроницаемый. Мы были
Под самым Киевом, но капитан
Велел остановиться,—за туманом
Мы не могли до пристани дойти,
Не севши на мель. Мы остановились.
Курильщики бессонные набили
Махоркой, бакуном и вергуном
Огромные цыгарки-самокрутки
И вышли с приглушенным говорком
На палубу. Хоть выколи глаза—
Не видно ничего. Одно слыхать—
Как плещут волны где-то там, за бортом.
Все охватила темнота и сырость.
А город наш так близко—перед нами,—
Мы только можем чувствовать его,
Как близость матери дитя больное
Все чувствует, хотя ее и нет
Близ колыбели. Налегла кругом
Промозглая, пронзительная сырость,
Казалось нам, что и конца не будет

Стоянью этому, у входа в город,—
Томительному, жалкому такому...
И вдруг—лишь в сказке это описать!—
Прорвал насквозь туманную завесу
Отважный луч, и в небе синева,
Как чистый взгляд, внезапно
прояснилась...
И на горе крутой предстал пред нами
Наш Киев—переливами садов,
Сверкающими главами церквей,
Строеньями в туманной, легкой дымке
Ожил, затрепетал, заговорил,
Весь золотой, серебряный, парчевый,
В торжественный одетый багрянец!

О Киев мой! Нет на земле туманов,
Какие б пред тобой не расступились,
Чтоб ты явил на удивленье миру
Свою красу, свой неустанный гений
И жизнь—бессмертную, как наш народ!

1942

ПАМЯТНИК БОГДАНА

Идешь, бывало, к гордой круче
Над далями родной реки—
И вдруг увидишь взмах могучий
Простертой бронзовой руки.

Замедлишь ты шаги глухие—
Встают в бессмертьи вековом
Владимир, древняя София,
И Днепр сияет серебром.

И, полон дум ширококрылых,
Ты чувствуешь—пылает вновь
Огнем былым в горячих жилах
Далеких наших предков кровь.

Не сон забытый, величавый
Преданий, смолкнувших навек,—
Челны дружины Святослава,
И хищноглазый печенег,

И скрип батыевых повозок,
Селенья, города в огне,
И выросший в дыму и грозах
Казак-бродяга на коне.

О да! Былое—не могила,
Не тусклый силуэт креста,
И ныне князя Даниила
Поэт наш славит—неспроста,

И в дни, когда глубоко рана,
По телу родины прошла,
Мы славим нашего Богдана
И вечные его дела.

Он звал народ объединиться
По обе стороны Днепра,
Чтоб не летали вражьи птицы
Отведать нашего добра.

Когда старался враг коварный
Рассорить нас с родной Москвой,

Он указал путь лучезарный
Своею звездной булавой.

Он знал, что путь лежит единый
Среди капканов, волчьих ям,
Что для Руси и Украины
Есть путь один, широк и прям.

Пусть иго царского обмана
Нас тяжко угнетало встарь,—
Но солнце встало из тумана,
И в бездну пал последний царь.

И к свету права и свободы,
Без царских пут, одним путем
Пошли свободные народы
Плечо к плечу и меч с мечом.

И ветер, радостный и вольный,
Принес нам счастье наяву
В наш Киев, золотой и стольный,
В Кремлем венчанную Москву.

И где рассыпались оковы,
Где рухнул трон,—там из земли
Дома взросли поэмой новой,
Поля, как сказка, расцвели.

Но вдруг ударило набатом
Народа сердце. Загудев,
Гремит по всем домам и хатам
Титана раненого гнев.

И встали на единоборство
Все братья с хищником-врагом,
Чтоб надломить его упорство
И нанести ему разгром.

Да, смерть в моем краю витает
Отравой черных крыл своих,
Но слава предков воскресает
Из наших подвигов святых.

Грозой стоит гора Чернечья,
Копытом бьет богданов конь.
Покрыта славою, Унеча
Опять грохочет сквозь огонь.

Опять счастливый день настанет,
Пройдет кровавая пора,—
Освободясь, народ восстанет
По обе стороны Днепра.

И зашумят поля хлебами,
И ввысь поднимется наш дом,
И бронзовый Богдан над нами
Возникнет в блеске золотом.

1942

МОЕ СЕЛО

Там где-то, в снежной тьме, село и
домик мой,
Где жить учился я, щенок полуслепой,
Неловко, ощупью. Там ветер
быстрокрылый

Летит над речкою, откуда пил я силы,
Поля раскинулись, что хлебом золотым
Вскормили малого. Там вился добрый
дым
Из труб, маня теплом, и жадно речь
родную
Я слушал, и постиг в ней красоту
простую.
Там первых лет друзья, там кровная
родня,
Там, может быть, еще остался след
плетня,
Перед которым я светловолосой Ганне
Смешное, первое нашептывал признанье.
Там близкие мои,—и нет от них вестей.
Но знаю: кровь и тьма залили ширь
полей,
Затмили цвет садов, наполнили жилища
Моей Романовки, теперь пустой и
нищей,—
Она ограблена, как весь родной мой
край,
Печальна и нема, растерзана... О, знай!
За все прекрасное, изведанное в жизни,
Я песнь и кровь свою готов отдать
отчизне!

1942

СОН

Мне ночи соловьиные приснились,
Девичьи песни, запахи левад,
Весна, которой сердце крепко билось,
И даль, которой не вернуть назад.

Приснились мне далекие зарницы,
Крылатые, мерцавшие во мгле,
Приснилось то, что тешит, если снится,
И мучает, приблизившись к земле.

Что ж! Горько мне, что отошла в былое
Боль сладкая желаний молодых,
Что сад увял мой в холоде и в зное
И звонкий соловьиный май затих.

Но горечью сильнейшей сердце сжато,
Когда о том подумаю лишь я,
Что край родной, счастливый и богатый,
Чудовищная обвила змея,

Что девушки—нет краше их на свете,—
Которым бы смеяться и любить,
Что светлые и радостные дети,
Которым бы цветами в поле быть,—

Потоптаны, осквернены, слезами
Умыты, кровью... О, не скорбь меня—
Гнев душит... С вами я, родные, с вами
Не только в снах—и в трезвой яви дня!

1942

ТЫ, КАК ДОЛЯ МОЯ

Ты, как доля моя, многотрудна!
Что ты шепчешь в ночи, земля?
Что не спишь, уныла, безлюдна,
Ртом сухим и во сне шевеля?

Иль ветрами ясной погоды
Охладить мне твое чело?
Иль собрать для тебя все воды
И всех солнц унести тепло?

Иль все розы, все тихие зори
На кремнистое ложе сложить?
Иль в смятеньи сыновнем и горе
У святого подножья тужить?

А она мне сквозь ночь, сквозь муку:
«Ты не смеешь тужить обо мне!
Изостри свое сердце и руку,
Слезный плач затаи в глубине.

Разрази ты врагов постылых,
Чтоб не шли они дальше, в крови.
Знай: одна лишь ненависть в силах
Повернуть мое сердце к любви.

Только гневом дышу я ныне,
Напоила желчью язык,
Чтобы снова в словах голубиных
Растворился мой грозный крик.

Пусть же будет каждый твой атом
Слит со страстью моей—в одну,
Чтоб ты снова увиделся с братом,
Чтобы снова обнял жену.

Все, чем я жила, красовалась
На дорогах погожей поры,
Все стремленья, радость и жалость,
Песни все, все былые пиры

Заменила я сталью и кровью,
Ризы светлые сбросив с плеч.
И не розы в моем изголовьи,
А отмщенья карающий меч!»

1942

В ГОРОДЕ ВСЕ ЭТО БЫЛО

В городе все это было,
В городе, чье имя даже
Болью сердце нам сжимает,
Словно голос журавлиный
В ярко-синих небесах;
Той весною это было,
Даже память о которой
Оваряет нашу душу,
Согревает нашу душу
До заветной глубины.

Шли мы об руку с тобою
В свете мартовском, прозрачном,
То под тучкой, то под солнцем

По Крещатику вдвоем.
И людей так много было,
По-весеннему красивых,
И летели над землею
Голубых гусей стада.

Таял снег, на тротуарах
Лужицы переливались,
Ветерок их тронул рябью,
Эти детские моря,—
И боялся я, чтоб ножек
Ты своих не промочила,
И, твою сжимая руку,
Вел в синеющую даль.

Отшумит война, над миром
Март веселый заиграет,
На земле испепеленной
Травы новые взойдут,—
И вернемся мы с тобою,
Поседелые в невзгодах,
Принести и нашу лепту
В обновленья труд святой.

Что ж, пускай не нам придется
В молчаливом опьяненьи,
В светлых отблесках весенних
По Крещатику бродить,—
Сын наш поведет под солнцем
Черноглазую подругу,
Что ждала его так долго
Из сурового похода,

И для них промчатся в небе
Голубых гусей стада,
Сын наш опасаться будет,
Чтоб она не промочила
В светлых лужицах весенних
Милых ножек молодых.
1942

В СНЕГАХ

В снегах, во тьме лежит вокруг Россия.
Наш поезд задохнулся и увяз
На полустанке. Холод, ночь и снег.
В ночь вслушаюсь: струною
в бесконечность
Заснеженная тишина простерлась.
О чем молчит? Что думает она?

В ночь вслушаюсь: как бы далекий
шопот,
Как будто смутный лепет ветерка,
Какие-то обманчивые звуки
Сквозь стекла долетают... О, еще,
Ясней, мучители!

И вот я слышу
Скрип люльки, шум колеблемых веревок
И голосок, печальный и глухой...
Братишку своего сестра качает,
Или склонилась молодая мать
К дитяти, что напоминает ей
Единственный, живущий в сердце
облик—

4

Того, которого она в слезах,
Благословив, на подвиг проводила?

Я шопот слышу: старички, собравшись,
Беседуют вдвоем, и лишь одно
Они с любовью повторяют имя,
Ребяческое... Может быть, того,
Кто славою покрыл их домик скромный,
Затерянный в сугробах снеговых?
Наверно, из шкатулки вынимает
Старушка номер той родной газеты,
А старичок дрожащими руками
Очки поломанные надевает,
Чтоб прочитать—должно быть, в сотый раз—
Слова, заученные наизусть.

Я слышу: девушка встает тихонько
С немого ложа, и к окну подходит,
И долго смотрит в снеговую мглу,
К стеклу щекой горячей приникая,
И что-то шепчет,—то, что слышу я,
Я и она,—но что услышит третий,
Когда вернется, опаленный боем...

Все стены расступились предо мною,—
Вот друга встречу, с братом обнимусь,
И слышу Украину, Беларусь,
И слышу мир с его трудом и плачем,
С заботою и в холоде горячем,
И прорастает сквозь снега трава...
Вдруг поезд тронул. Впереди—Москва!

1941 — 1942

ГОЛОСЕЕВСКИЙ ЛЕС

Во время героической обороны Киева в 1941 году Голосеевский лес был местом великой битвы.

В короне Киева смарагдом темногранным
Переливался он, и дням благоуханным
В воспоминаниях не отцвести моих;
Бывало, вырвавшись из улиц городских,
Горластее галчат, спешим мы,
гимназисты,
Халву с орехами погрызть в тени
сквозистой;
А солнце золотит его дубов венцы,
И дразнят свистом нас насмешливо
скворцы,
И облака плывут, белея парусами,
И, любопытствуя, склоняются над нами.
И не забуду я ни лодки, ни весла
И ни дороги той, что в гору нас вела
Извилистой рекой от милого трамвая.
Нередко и теперь я нежно вспоминаю
Те дни, когда с женой и другом
молодым
(Романтик, он меня не называл
«Максим»,
А «кабаллеро» лишь да иногда
«Массимо»)
Прогуливался я под ветвями
шальными —
И я с романтиком в эпитете таком

Хотел им подражать, но во-время потом
Удерживали мы порыв на полдороге:
Ведь взгляд у девушек такой
лучисто-строгий,
Что и романтики (они ли не должны?)
Пред ним смиряются, как пред лучом
весны
Разгульный снеговей... В игре пятнистой
света,
Средь зелени дубов калечили мы Фета
И даже Надсона (мой славный побратим
Считал его тогда учителем своим,
Сам будучи поэт, а больше—
композитор).
Как были ветерком горячим кудри
взбиты,
Где время лишь поздней добилось,
снегом пав,
Осуществления своих предвечных прав,
Посыпав волоса как будто перцем
с солью!
Как радовались мы свободе и приволью,
Как по-ребячески катались мы с бугра,
Как сделалась тогда от зелени пестра
Моя в историю попавшая толстовка!
Как зяблик из листвы высовывал
головку,
Чтоб посмотреть на нас, и серебристый
свист
Вплетался тонкими струнами в шумный
лист!

Какой был светлый день! И небеса
какие!
Как в дымке розовой вдали маячил Киев
Лучистым маревом!
Я в памяти сберег
И день тот солнечный, когда в свой
звонкий рог
Трубила по лесам весна свои сигналы
И племя пастухов коров еще не гнало
На талые холмы, где в грязной белизне
По впадинам канав лежал ноздрястый
снег,—
Но воды пенились, трава рвалась сквозь
листья
Вверх, к солнцу, и дрозды звенели
голосистей
Среди кустарника. Я и приятель мой,
Охотник и певец (он в школе трудовой
По нотам петь учил хор детский
терпеливо
И полюбился мне за то, что дар
счастливый
Имел—поэзию и жизнь соединять),
Мы к выводу пришли, что нужно
натаскать
Собак на вальдшнепов, без ружей. Лес
открытый
Еще не зеленел. Охотник знаменитый,
Который был судьей на выставках
собак,—
Подумайте!—к тому ж по вальдшнепам
мастак

И мастер чай варить в лесу из разных
зелий,
Вдруг согласился сам (то был конец
недели,
А может, выходной) возглавить наш
поход.
Пошли мы не спеша, и, выскочив
вперед,
В самозабвеньи псы бежали перед нами,
Подобно челнокам, ныряя меж кустами,
Вынюхивая след по ржавому листу.
А мы, забыв тревог житейских суету,
Впрямь по-аксаковски гуторили толково
О лёте вальдшнепов, когда они, по слову
Судьи собачьего, одним календарем
Руководясь, летят не клином, не углом,
Не стаей, а вразброд, тайком,
поодиночке
На клич серебряный весны и в чаще
ночью
Садятся отдохнуть. Пускай еще зима
Сердито сыплет снег, дорога их—пряма,
Когда в календаре день марта двадцать
пятый
По стилю старому. Недаром этой датой
Отмечен их пролет, и вальдшнепы верны
Приметам радостным изменчивой весны.
Но вдруг под разговор остановилась
Леди,
И Аста нюхает серьезно, без комедий,
И стойку делает,—и вальдшнеп взвился
вверх,

Крылом коричневым блеснув, как
фейерверк,
И вытянувши нос свой, длинный и
красивый...
Ужели кто-нибудь найдется нас
счастливей?
Вот в заповедный яр знаток наш,
наконец,
Повел с собой собак, а я и друг-певец
Присели покурить и в юношеском пыле
В соревнование привычное вступили:
Толстого вспоминать—«Казаки», а потом
«Войну и мир»... Хотя и был я знатоком,
Мой друг не отставал... Когда же он
«Ругаем»
И «чистым делом марш» ударил—
уступая
Учителю, его победу я признал
И победителя в уста поцеловал.
Тот поцелуй в лесу под небом
беспечальным
Не показался нам тогда
сентиментальным.

А сколько было нас, счастливых
киевлян,
Что, завершивши свой еженедельный
план,
Толпой и парами, веселые, как птицы,
В лес Голосеевский ходили, чтоб
напиться
Дыханья свежего, душистого вина!

Но вот нагрянула, как в ночь мороз,
война,
И полчища врагов нахлынули на Киев...
Лес Голосеевский, и ты встал в дни
такие,
Как честный, гордый муж,—и сам
в сраженьи пал,
Но злого ворога ты под себя подмял,
И не одно с тобой упало вражье тело.
Ты славно, друг мой, жил и умер
в битве смело!
И прогремит в веках твой подвиг
боевой!
Когда ж настанет день, великий день
святой,
И мы вернемся вновь на нашу
Украину—
Родимый дом чинить и след стирать
звериный,—
Мы склонимся тогда пред пеплом
и твоим,
И верю: в этот день побегом молодым
Ты встанешь в поросли дубовой и
кленовой
И юной зеленью воскреснешь к жизни
новой.

1942

ЖАЖДА

Поэма

Посвящаю XXV годовщине советской власти на нашей славной Украине.

Тебя—от дней начальных круга
И по скончанье смертных лет,
Не как дитя, не как подругу
И даже не как мать, о нет!—

Тебя, как ветер в злой неволе,
Как солнце в ледяном гробу,
Как радости свои и боли,
Как юность, как свою судьбу,

Как трепет сердца в час прощанья,
Как усталь наболевших ног,
Что после долгого изгнанья
На отчий клонятся порог,

Как голосок больного сына,
Как проблеск в глубине пути,
Как тень, которой не отринуть
И от которой не уйти,

Как свет в ночи непроходимой,
Как ливень счастья по весне,
Как слезы женщины любимой
В благословенной тишине,—

Тебя ношу в груди сыновней,
В мозгу недремлющем таю—
Тебя, которой нету кровней,
Любовь мою и страсть мою.

Большое небо, море света,—
Была ты, будешь ты и есть!
Тебе, тебе, отчизна, эта
Из сердца рвущаяся песнь!

Первый голос

Великой и чистой воде,
Что нас освежает и поит,
Что студит в горячем труде,
Что после сраженья покоит,

Что отдых усталым дает,
Что юных на подвиги будит,
Пусть слово простое мое
Посильною жертвою будет.

Кто жажду без меры знавал,
Тот меру словам моим знает.
Когда, словно огненный вал,
Всю землю жара заливает,

Когда все, что в зное слегло,

О ливне спасительном просит,—
О, темное тучи крыло
Блаженное счастье приносит!

Хоть капельку влаги! В огне,
В агонии дол бездыханный,—
И катится гром в вышине,
Такой долгожданно-нежданный.

Хоть каплю! Спеклось... запеклось!—
В сухом ковыле замирает...
И вдруг взорвалось, понеслось,
Бежит, ворожит, распевает.

И снова весна! И опять
Топочут над пажитью кони,
И миру отрадно сиять
На влажно дымящемся лоне.

Кто знает походных дорог
Ухабы, и пыль, и каменья,
Усталость натруженных ног,
Багряную мглу отдаленья,

Огонь запорошенных ран,
Иссякнувший голос в гортани,
И небо, как высохший жбан,
И землю, сухую до грани;

Кто шел, выполняя приказ,
Вперед—под тяжелой поклажей,
Тот знает, как сладок для глаз
Лазоревый отсвет миражей,—

Тот знает, что значит река,
Прильнувшая к травам зеленым,
Бегущая издалека,
Манящая лоном студеным.

О воды! Земная краса!
Прохладные, страсть утолите!
Разверзшиеся небеса,
Стремите, струите, поите!

О реки! Любимых милей!
Кружася с землею со всею,
Несите вы счастие ей
И песнею станьте моею!

Второй голос

«Хлеб не швыряйте, он святой!»—
В суровости притворной,
Бывало, скажет дед седой
Нам—детворе проворной.

«Вы не играйте с хлебом—грех,
За это бог накажет»,—
Счастливый сдерживая смех,
Бывало, мать нам скажет.

И время шло... И подросли,
И возмужали дети.
В сердцах забвеньем поросли
Простые речи эти.

И слово «грех», как пыльный хлам,
  В архив навеки сдали.
Иным, неслыханным словам
  Учить детей мы стали.

Но слишком кровным было в нас
  Тех—старых слов—вторженье.
Испытываем и сейчас
  Мы к хлебу уваженье.

Затем, что труд, и крепкий пот,
  И жита дух медовый
Всему живому жизнь дает
  И слов источник новый.

А тот, кто щедрою рукой
  Зерно бросает в недра,
Тот сам на ниве вселюдской
  Взойдет пшеницей щедро.

Третий голос

Черемуховою вершиной
Играют вешние ветра,
И сердце с песней соловьиной
На поединке до утра.

И в каждом лепестке пахучем,
В любом ростке, ожившем вновь,
Пылает полымем кипучим
Вся жизнь моя и вся любовь.

И тропы сходятся медвежьи
К тебе, любительнице нег,—

На белые твои одежды
Летит черемуховый снег.

Ветрами ахнула, дохнула,
И прилетела, притекла,
И руки настежь распахнула,
И шелк откинула с чела.

Как будто бы дивясь, ресницы
Раскрыла широко—в простор,
И сон, что век не переснится,
С зеленых покатился гор.

И облака цветов душистых
Росою тают на устах,
И ночь в сверкающих монистах
До петухов стоит в дверях.

Раздвигается завеса минувшего. В тумане встают силуэты.

Силуэт первый

Мальчишка в потертом кафтане.
Котомка. В ней хлеба кусок.
И вечер. И город в тумане.
И боль перетруженных ног.

Когда б не упасть, не споткнуться,
Дойти, добрести и войти!
Когда б, хоть не взять, так коснуться!
Нет, взять! Отобрать! Унести!

И падает вечеру в ноги
Усталость поблекшего дня.
И грязные брызги. «С дороги!»—
Барчук погоняет коня.

Силуэт второй

Вышивает, распевает,
У окошечка присев.
И никто того не знает,
Где узор, а где—напев.

Всем бы пела—без разбору,
Вышивала б—всей земле!
Хата. Мать стара и хвора.
Хлеб зацветший на столе.

«Ты б хоть хлебушка поела,
Огонька бы добыла!..»
...Страшно вытянулось тело.
Ночь. И в сердце—ночь и мгла.

Силуэты

Брат за братом, и брата за брата.
Сколько выцветших глаз... а седин!
Сколько сбито, подкошено, смято,
И оплеваны все, как один!

Мир—что радуга! С речки до лесу
Высоко развернулась она.

Сквозь цветистую эту завесу
Виден легкий рисунок челна.

А для них—ни красот, ни приманок,—
Что им радуга, небо, земля?
Только хрипы глухих перебранок,
Только рвущая горло петля.

Брат за братом, и брата за брата...
Боль горба да судьба—как раба.
Клято, про́клято и недокля́то...
И встает над землею борьба.

Голос

Все хлещет петербургский ветер
По каменному битюгу,
На коем Александр Третий,
Согнувший весь народ в дугу.

В России холодно и голо,
Россия греется вином.
И обнимается Никола
С тобольским пьяным мужиком.

О, расступитесь, камни-горы!
Такого—в чуйке и лаптях—
Провидел петрашевец хворый
В горячечных своих мечтах.

И ты, и ты, народ мой бедный,
Среди задушенных лежал...
Ужель за этим Всадник Медный
Коня над бездной задержал?

Дыхание бури

Стоял Исакий темно-смутен,
И Медный Всадник не скакал,
Когда подвыпивший Распутин
Вразнос Россию продавал.

Нева стонала от печали,
Войну вершили тиф да вши.
В таврическом высоком зале
Безумствовали торгаши.

Но дрогнули земля и море,
И ожили слова от дел,—
То на прославленной «Авроре»
Пожар бессмертный загудел.

Просторов талых ветер вольный
В лицо мятежно захлестал...
Дворянский, царский, сонный
Смольный
Твердынею народа стал.

О, ни к чему терзать укором
Того, что требует меча! —
Дворец Кшесинской, точно форум,
Взметен десницей Ильича.

5

Сказка

Пустила фея золотой клубок,
За ним вослед ушло дитя долиной.
Погожий день был ясен и глубок
И разливался далью лебединой.

Хворала мать уже давным-давно
И не пускала дочери в дубравы.
Но вечером ушла она в окно,
Чтоб отыскать целительные травы.

Лесами шла, долинами брела,
А если путь вдруг надвое делился,—
То золотая нить ее вела
Туда, туда, где ток живой струился.

Сказала фея: «Серебром звенит
Единственный на свете ключ студеный.
Пред ним на страже молодец стоит—
Твой суженый, твой милый нареченный.

Как ясный месяц, светел гордый лик,
Лазоревые зори в ясном взоре.
Из-под камней он выбил тот родник,
Как искру высек... И стоит в дозоре».

Дитя идет. Неровно нить ведет,
Не раз навстречу страсти да напасти.
То змей шипит, то лютый зверь ревет,
И вылетает дым из смрадной пасти.

Так шла и шла... И на глазах росла,
Превозмогая в сердце страх извечный.
И в некий час ей фея подала
Бесценный дар—булатный меч
двусечный.

И шла не день, не два, не год
в бору,
И красотой доспела, как пшеница,
Когда вступила в вешнюю пору
С мечом двуострым дѐвица-девица.

И зверь погублен в чаще не один,
И не одна рассечена гадюка,
Где, между сосен, елок да осин,
Прошла с мечом красунья-белорука.

И час настал. Из чаши голубой
Лился рассвет потоками рубина.
И повстречались у воды живой
Октябрь и молодая Украина.

Сон—не—сон

Ты вся была—звенящей тетивой,
Натянутой до края, до предела.
Ты вся была—рассветною зарей,
Что над полями тихими горела.

Рвался из песен вековечный плач—
Минувших лет единая услада.

И позади—так много неудач,
А впереди—цветущий полдень сада...

Днепр рокотал, светло валы подъяв,
В лугах шептали шелковые травы
Про Жолты-Воды — славу среди слав,
Про чуб и про сережку Святослава,

Про серый камень с именем Сирка,
Бессмертием и славой опаленным,
Про день, когда рабочая рука
Рвала впервые рабские законы,

Про силу тех неистощимых сил,
Что возводили светлые палаты,
Про день, когда Шевченко возвестил
Науку гнева, страсти и расплаты.

Когда, как речка, рано по весне
Влилась ты в новое большое море,
Спалив на очистительном огне
Неправду всю, бесчестие и горе,

Ты поднялась навстречу всем ветрам
И на вопрос: «Мы будем иль
не будем?»—
Мирам, планетам, братьям и врагам
Ответила крылатым Днпробудом.

Колышется и волнуется мгла. В ней проступают белизна и золото Лаврской звонницы, зелень отлогих холмов, нивы, сады, строенья. Ирпень. Молодой сад.

Ты помнишь ли, жена моя, подруга,
Тот вешний день, щемящий, точно боль
Свиданья первого?—Я был в саду,
С Богданчиком возился: вдоль забора
Сажали ряд акаций молодых,
Чтоб тень была и чтоб уютней было
И зеленей. А ты на пухлых грядках
Высаживала луковки тюльпанов
И те смешные корни, из каких
Чудесные выходят георгины.
Перекликались голоса соседей,
Веселые и дружные. Шумел
Зеленый поезд, увозя людей,
Разнеженных весной, такой погожей,
И песенкой про Галю молодую,
В которой пела молодость сама.
Вдруг ранний мотылек замельтешился,
Как лепесток сухой. Бездумно сел
На яблоньку, которую сажал
В порядке шефства шустрый Копыленко,
И вновь снялся, испуганный Богданом
Иль Булькою, что в радости собачьей
Задорно лаяла на целый мир.
Тек влажный воздух, напоенный
солнцем,
Ветрила туч качались в небесах,
И сердце ожидало...
Вдруг вдали
Почудился—иль впрямь отколь явился—
Глубокий звук. Я встрепенулся первый
И крикнул: «Гуси!» Вот уже видны
Родные птицы, вестники весны!

И все следят таким любовным оком
За клином птиц — там, на небе высоком.
И мысль одна переполняет всех:
В их гоготаньи — дружный говор, смех,
Как тут, у нас!..
О гуси, прилетите,
Спуститесь к нам и нас с собой
возьмите,
Земных детей!.. Да нет! Там ныне
тьма!
Мой сад — пустыня, и мой дом — тюрьма!

И обращаю я голос на Запад, тлеющий за моим окном.

Пастушата босые
И девчонки в венках васильковых,
Матери, что детей на пороге встречали
С грушевой ложкою в доброй руке!
Кузнецы, хлеборобы,
Ученые и певцы,
Что из одной выходили хаты
На дороги, большие, как мир!
Испытатели и садоводы,
Что отважно и с толком
Перекраивали ризы земли
На свою и на нашу потребу!
Киев мой златолитный,
Смолистая тишь Ирпеня
И моей Романовки зори!
Реки, луга, поля и заводы,
Одушевленные смелым трудом!

Светлая келья моя
С многоголосьем излюбленных книг!
Портреты Шевченка и Руставели,
Пушкина бронзовый бюст,
Начинающих робкие письма.
И побеги, что я посадил
Вместе с моими друзьями!
Народа моего великая жажда,
Что вела на крутые вершины,
Пурпуровым засеянные маком
И увитые нетленными лаврами!
Кто все это перечертил
Чернокровавой чертой?
Кто кинул в хрустальную чашу рассвета,
Когда мое дитя
И тысячи наших невинных детей
Видели в утреннем сне
Сказку открытия стадиона,—
Кто кинул в эту прозрачную чашу
Черной отравы зерно?
Кто небо наше изрезал
Лиходейства кровавым ножом,
Кто землю нашу потряс,
Окаянный, грабительским громом?
Ежеминутно и ежесекундно
Слышу я хруст ребячьих костей
Под тяжелою лапою зверя.
Слышу предсмертные хрипы
Друга моего и моей сестры,
Матери друга и всех матерей,
Что в муках святых породили
Поколения нового радость.

Я вижу кроваво отверстые рты
Помешанных и повешенных,
Иссеченных и калеченных,
Слезных, кровных моих!
Украина!
Боль и счастье мое, Украина!
Дым пожаров твоих
Небо мира всего застилает.
Украина!
Серебристые плуги,
Серпы золотые,
Загорелые сильные руки!
Украина,
Перезвоны твоих наковален
И рассветных гудков перекличка.
Украина!
Песня, сердце мое, Украина!
Кто выбил окна в заснеженной школе,
Где наши вихрастые ребятишки
Склонялись лукаво и прилежно
Над тетрадками в синих обложках?
Кто впустил туда ветер, и холод, и
смерть?
Кто проехал, безумный, колесами,
Как по нежным горячим телам,
По горячим и трепетным книгам?
Как могли не слыхать вы в тот миг,
Триумфаторы-звери,
Что до звезд и до самого солнца
Прогремело громом проклятье
Сына кузнеца и крестьянского сына,
И той, что смерть поборола

Слова своего бессмертною сталью?
Украина!
Проклятьем ты вся возгремела,
Гневом ты вся налилась,
Налилась до самого края.
И твоя животворная жажда
Стала мщения жаждой святою.
Ты жива, Украина моя,
Ибо в подыхе бурных ветров,
Ибо в говоре вод твоих чистых,
Ибо в шелесте нив твоих спелых
Ворогу—смерть!

Голос проклятия

От синего неба и синих цветов,
От доброго сердца, от искренних слов,
От вешнего поля и вешних садов,
Как дар, как удар наш—примите
проклятье!

От рук, что трудились на вспаханном
лоне,
От наших рождений, от наших агоний,
От песен, от книг, от труда,
от объятья—
Проклятье, проклятье!

Нет кары, которой бы вас покарать,
На свете пушинки такой не сыскать,

Что камнем на совести бы не легла,
Когда б эта совесть вдруг в вас ожила.

И нету судьи, что хотя бы на время
Смягчил приговор ваш, несытое племя,
И нету руки равнодушной такой,
Что вам не хотела б отмстить за разбой.

Ведь трупы полегших в карающей сече
Ворье-воронье облетает далече.
Где крик душегуба навеки замолк—
Уныло стенает обиженный волк.

Вода вас не примет, земля не пригреет,
Лишь ветер могучий по свету развеет,
По дикой пустыне, по шири безводной,
Играючи, прах раскидает холодный.

От поля, от моря, от горных высот,
От дыма пожаров, что тмит небосвод,
От вдов, от сирот, от больных,
от калек,—
Проклятье навек!

И я вижу ее, вижу ту, к чьим натруженным ногам приносили поэты всего мира и всех веков самые дорогие свои дары. Вижу Мать.

Подняла худые руки,
Расчесала кудри русы,
Ой, волосок к волосику,
Что колосок к колосику,

Да не рвала, не мучила,—
Или краса наскучила,
Иль года не красные,
Иль оченьки не ясные?
Ой, не краса наскучила,—
Гремит-гудит за тучами,
Визжит пургою ярою
Над матерью, над старою.

Иди ж, дитя, кровиночка,
Кровиночка, травиночка.
Мать-мачехой умытое,
Яр-мятою укрытое,
Ухоженное, сытое.
Молчание—устам сулю,
Держать слезу—очам велю,
Возьму коня за поводы,
Сама пойду на проводы.

Иди, иди, дитя мое,
Возлюбленное самое,—
Войска стоят за брамою.
Зовут они—в поход итти,
В поход итти, народ вести.
Кладу тебе зарок один—
Бей ворога нещадно, сын,
Аж в сердце бей недоброго,
Ведь роду ж ты хороброго.
Молчание — устам сулю,
Слезу держать — очам велю,
Твоих, дитя, вестей молю.

И идут сыны, неся в сердцах материнское благословение—и гудит земля—и шумит воды—и труп вражий землю сырую кроет—и слово в сердце отзывается!

Ты вся—и жажда, и горенье,
Ты лук, стрела и тетива,
Столетий светлое виденье,
Полуденная синева!

Не раз судьбу свою пытая,
Ты в сердце страх превозмогла,
Когда, паломница святая,
Ты к водам животворным шла.

Когда ж, струи найдя живые,
Ты в отчий возвращалась дом,
Качая ведра золотые
На коромысле расписном,—

Злодей, с повадками Иуды,
В потемках на тебя напал,
Разбил священные сосуды
И, светлую, тебя распял.

И ты, раскинув скорбно руки,
Смотрела на детей своих,
На их неслыханные муки,
На слезы и на гибель их,

На то, как рушатся и гнутся
Стропила зданий, как, сквозь дым,
Пожары ящерами вьются
По хатам бело-голубым,

Как вишни от огня чернеют,
Бегут отары и стада,
И зло все пуще сатанеет,
И все бесстыднее орда,—

И взгляд твой, и немой и властный,
Вдруг прогремел, как вещий зов,
Глуша всех пушек гул ужасный,
Объединяя всех сынов.

И все восстало на злодея,—
Настала грозная пора.
И нет такого чародея,
Такого не найдешь пера,

Не развернешь такого свитка,
Чтобы достойно начертать
Того великого избытка
Любви и ненависти, мать,

С каким змею разят и ранят
Твои свободные сыны!..
...Я знаю, правда не обманет,—
Ей сроки вечности даны.

Я верю по свою кончину,
Что луч прольется на долину,
Что воссияет правота,—
И в заповедную годину,
На радость дочери и сыну,
Сойдешь ты, матерь, со креста!

1942

ПУТЕШЕСТВИЕ В МОЛОДОСТЬ

Из поэмы

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия...

Пушкин

Пролог

Сияя в скорбном мраке непогоды
Неугасимым огненным столпом,
Ты, мой народ, мне светишь в дни
невзгоды.

И я перед истории судом
Предстану, *птица малая*[1]. К ответу
Явясь, еще раз оглянусь кругом.

И спросит суд: «Придя на землю эту,
Свое призванье выполнил ли ты,
Иль разменял на мелкую монету?

И ощущали ли твои черты
Касание мозолистой ладони,
Что бережет от жалкой суеты?

---

[1] Слова Мицкевича. *(Прим. автора.)*

И мог ли ты сказать, уже на склоне,
Что на висках запавших седина—
Не только отсвет яростной погони

За радостью, что лишь тебе дана,
За песнею, что для тебя лишь пела?
Есть у тебя страница хоть одна,

Которая бы кровью закипела
И слабых поднимала бы в бою
И утомленных ободрить сумела?»

И я скажу: «Прошел я жизнь свою
Неровно и колеблясь, и не в праве
Роптать, что чашу мук за это пью.

Но никогда до черного бесславья
Не доходил—не утопил свой дар
Я в черной лжи, не предался отраве

Болезненных себялюбивых чар.
И у химер я не бывал во власти,
Гнал призрачный, обманчивый угар.

Народа своего беду и счастье
Воспел я в песнях, правды не тая,
Шел с ним сквозь все стремнины, все
напасти.

Страна зелено-синяя моя,
Тебя всем сердцем возлюбив, правдиво
Хотел на склоне лет поведать я,

Что видел, детям: образ несчастливый
Явить — нужды и рабства прежних лет,
Вновь воскресить былых надежд порывы

И тех людей, которых больше нет.
Хотел воспеть красу земной природы
И сердца человеческого свет,—

И верил я: пусть невозвратны годы,
Пусть вешнего я не увижу дня,
Но я слугою был одной свободы».

Так я скажу. И суд простит меня.

7 апреля 1942 г.
Уфа

Глава первая

I

Хмельные мотыльки венком, из снега свитым,
На синие летят, на сонные цветы;
Струится теплый пар по колеям разбитым,
И ливнями—дорог изменены черты;
А в небе облачном и влагою омытом
День вешний, задремав, прилег до темноты,—
И сердцу верится: бесценный дар желанья,
Не дрогнув, донесет оно к последней грани.

2

На гибкой удочке прозрачный волосок
Да белый поплавок с крючком—все
снаряженье.
А в буйных небесах—чуть дунет
ветерок—
Овец блуждающих перебегают тени.
Как в кринку звонкую серебряный
поток,
Так в глубь реки течет поток земных
мгновений...
Отвязан легкий челн. Чуть слышен
звук весла—
Дорожка нам вослед дрожащая легла.

3

Нас двое—я и брат. Покойся вечным
сном,
Мой незабвенный друг, Иван мой
молчаливый!
За сердце, с юных лет согретое добром,
Хотя повитое туманом сиротливым,
Я благодарен вам, о братья! Вы вдвоем
Воспоминанием останетесь
счастливым,—
Как песни чумака унылый, долгий
звук,
Чье эхо некогда будило тихий луг.

4

А был мой брат Иван характера такого,
Как раковина, что раскроется раз в год:
Молчал Иван, когда, бывало, у другого
Часами целыми не закрывался рот.
Зато среди своих, в одежде рыболова,
На лоне трав живых, у глади светлых вод,
Менялся разом он и обретал охоту
С друзьями песни петь, смеяться анекдоту.

5

Он помнил хорошо все вещи, имена,
Воспоминания берег, как редкий овощ;
И в повестях его раскрылись мне сполна
И пылкий мой отец, и скромный Антонович.
Вся жизнь их дружбою была озарена,
Их ненавидели Пихно и Юзефович,
А Лысенко любил, Старицкий уважал,
И Диоскурами Иван Франко прозвал.

6

Еще студентами, они, бывало, летом
В путь отправляются—верхом или пешком;
Земля, расшитая уже зеленым цветом,

В шелках и в золоте, волнуется кругом.
Микита старенький встречает их
приветом
И, рядом семеня с коротким посошком,
Про гайдамаков им толкует, неуемный,
И сотни небылиц мешает с былью
темной.

7

«И я, чтоб не соврать, с десяток
[redacted]
Панков».—И трубкою он подкрепляет
слово...
«А сколько ж вам годов?»—«Да век мой
перешел
Давно за всякий счет, чтоб не сказать
плохого!
Что ж, даром, думаете, кровь стекала
в дол?
Вот вы послушайте. (Здесь никого
чужого
Не видно?) Ну, так вот, скажу вам,
хлопцы, так:
Гуляет и сейчас меж нами Железняк!

8

Конечно, спору нет, до срока он таится,
Да люди видели—и я, чтоб не соврать...
Когда ж настанет день—в субботу то
случится—

Он вновь объявится... Тогда-то воевать
Возьмется голытьба, как надо,—
разъярится,
Везде пойдет панов крушить и убивать.
Но вы пока—молчок, ни слова, ради
бога,
Не то сам Железняк вас покарает
строго».

9

То повстречается ватага косарей
В вечерний час, когда роса кропит
покосы.
Косцы за ужином сидят вокруг огней,
Уж погасающих. Вожак простоволосый
Благословил кулеш. И в тишине полей
Они, не торопясь, едят, сложивши косы.
А тело все горит от долгого труда.
Когда б свое косить,—все легче бы
тогда!

10

Тем иль иным путем, но разговор
заходит
Про *землю вольную*,—«кто хочет, тот
и сей»...
Рябой Мусий тотчас и формулу находит
Для мысли кряжистой, излюбленной
своей.

Мол жито—мужики, а панство—это
вроде
Мякины—лишь бери да на лопате вей!
И шутки крепкие, конечно, там звучали,
И смех в зеленые раскатывался дали...

11

В скитаниях таких отец мой, что ни
год,
Тьму песен собирал... О песня, вечным
чарам
Твоим подвластен всяк, в ком музыка
живет!
Чье сердце не щемит, не вспыхивает
жаром,
Когда под вишеньем дивчина запоет,
Когда последний луч, скользя над
садом старым,
Дорожкой солнечной угаснет не спеша...
Как сладкою тоской в тот миг полна
душа!

12

А там, за речкою, над заливным
покосом,
Сплелись горячие мужские голоса,
И как на крыльях, ночь летит тогда
над плёсом
И песней полнятся заречные леса.
Как дышится легко! Спускаешься
откосом,

Вдыхая грусть цветов, к которым льнет
роса...
О песня родины! Тебе ль нужны
прикрасы?
В блаженных муках ты нам родила
Тараса!

13

Еще случалось так, что встретит
горожан
То писарь волостной, а то «чиновный»
сотский,
А иногда и сам розовощекий пан
Заметит: «Эге-ге! Наряд хоть не
господский,
Да речь-то не проста! Они мутят
селян!
(Об этом сказывал и эконом Заблоцкий!)
За голенищем нож хоть не торчит
кривой,
Но гайдамаками признал бы их
слепой».

14

Да, о ножах тогда немало говорили,
Когда Шевченков гроб в наш край
привезен был
И на горе его Чернечьей хоронили
(Наш Антонович там и речь произносил,
Хоть и вполголоса). И многие
твердили,

Что это, мол, не гроб на их плечах
проплыл,—
Что там ножи лежат да пули вместо
праха...
Вельможные паны тогда тряслись от
страха.

15

А край наш дурнями в то время был
богат—
Пожалуй, пруд пруди, считать бы
утомился!
Доносы всяк строчил—такой завелся
лад.
И дед мой—вот дела!—однажды
умудрился:
Он непокорного Тадеуша был рад
Пугнуть и вежливо к начальству
обратился...
Родня ли помогла, судья ли сплоховал,
Но ссылки мой отец счастливо миновал.

16

Панов с подпанками большую галлерею
Студенты видели в экскурсиях своих.
С невинною душой и в эмпиреях рея,
Один душил крестьян, покоен, прост
и тих,
Другой гуманностью прославился своею

(Шевченко показал в своей «Княжне»
таких):
За радости любви он обольщенным
девам
Велел давать коров из собственного
хлева.

17

Иван, мой брат, и сам оригинала знал:
Среди помещиков прослыв весьма
речистым,
Он барынь в юности талантом поражал,
А далее себя провозгласил буддистом,
Усадьбу окружил стеной и перестал
Общаться с прочими — со сборищем
нечистым,
Живущим за стеной. (А сам дрожал,
как лист:
Уж очень воровства боялся наш
буддист.)

18

Соседей потчевал лишь луком с кислым
квасом
Чудаковатый пан, влюбленный в свой
санскрит,
Салфетку заменял кальсонами, но басом
Нещадно проклинал юдоль земных обид,
А в одиночестве, бывало, жирным
мясом

Отшельнический свой набив живот,
пыхтит.
И каждый медный грош, что мужику
подарен,
Встречал нервическим припадком этот
барин.

19

Пока челнок скользил среди высоких
трав,
Подобных повестей я выслушал немало.
А капли с удочки стекали за рукав,
Их солнце раннее сушило и ласкало.
Казалось, целый мир среди густых
купав,
Водою отражен, сверкал светло и ало.
Вбирала каждый цвет и звук моя душа,
И поражало все сознанье малыша.

20

У брата среднего, у нашего Богдана,
Без песни, кажется, и дня не насчитать.
Подступит ли тоска, иль девушки
румяной
Он встретит нежный взгляд, иль—стоит
ли скрывать!—
В кругу друзей стакан его согреет
пьяный,
Иль что-нибудь еще придется
повстречать,

На что никто другой ничем не
отозвался,—
На все он песнею, как эхо, откликался.

21

А нимфу древнюю[1], любезную певцам,
Не стоит забывать, почтенные
собратья!
Под именем иным она известней вам,—
Хоть много обожглось на нем (замечу
кстати)
Истолкователей: известно, что словам,
Как сочинениям и людям, без изъятья
Своя судьба дана. С волнением
лингвист
Заносит участь их в свой многотрудный
лист.

22

Везде упрямцы есть, что с миной
Моисея
Скрижали нам несут: «Нельзя! Не
посягай!
Так не по-нашему! Я проучу злодея!»
Но я, признаюсь вам, не верю в их
Синай.

---

[1] Подразумевается эхо, которое античный мир олицетворял в виде нимфы. По-украински эхо — «луна». Это и приводит порою к ошибкам «истолкователей»,—невнимательных или недостаточно опытных переводчиков.

Не любят кандалов ни слово, ни идея;
К тому же, чтоб судить, законы лучше
знай...
(Прямой октаволюб, я строки лажу
скромно
Стихом «Беньовского» и «Домика
в Коломне».)

23

Наш славный Вересай, Гомер наш
полевой,
Приехав в Петербург, ждал как-то
выступленья.
В дверь артистической лилось волной
живой
Сопрано женское. И вот, в слезах
волненья,
Одернув свитку, он, наш бандурист
слепой,
Сказал (слова его не преданы
забвенью):
«Эх, и поет она! Не хуже соловья!
Чтоб так, как пани, петь, чего б не
отдал я!»

24

Но вот пришел черед запеть и
горемыке;
Студентом выведен, на сцену вышел он,

С поклоном низким встал перед толпой
безликой,
Незримой для него. Над струнами
склонен,
Бандуру ладил он. И начал, но не
вскриком,
Нет! В зале прозвучал шум сечевых
знамен!..
Певица молвила: «Я все отдать готова,
Чтоб чувством обладать вот этого
слепого!»

25

И я слыхал не раз таких простых
певцов
Из самоучек. Песнь их пламенем
струится
И за сердце берет. Звенел и звал без
слов
Напев садовника, всегда хмельного
Гриця.
Подстать садовнику был кудреватым
зов!
Печально плакала и Каська-молодица,
Чьей скорби серебро и переливы слез
Микола Лысенко на ноты перенес.

26

Микиту старого еще слыхал когда-то,
Который смолоду был вор и конокрад.
(Его и в старости бивали таровато,

Чуть лошадь пропадет, хоть он давно
бы рад
От славы той уйти.) Негромко,
хриповато
Он пел, но я таких не слыхивал баллад
Нигде, ни от кого—певцы новейшей
школы!—
Лишь от искусника Садовского
Миколы.

27

На поле синее вечерний пал туман.
Над речкой стелются его густые волны.
О сердце! В плен тебя чей сладкий взял
обман?
Кому покорно ты, когда, блаженства
полный,
Я втайне опален? То он поет, Богдан,
И звуки вдаль плывут, как в море
синем челны,
И, птицами они взвиваясь над водой,
То плачут, то зовут в вечерний час
седой.

28

Кто скажет мне, куда зовет волшебной
песней?
Кто скажет, отчего все, что живет
кругом,—
И полнокровный труд, и пыл войны
чудесный,

И гроб, и колыбель, жизнь в малой
и большом,—
Бессмертьем осенил в веках певец
безвестный?..
И кто не вздрогнет вдруг, когда
в краю своем
Услышит песни звук, что в нежный
вечер синий
Над зыбкою звенит и стелется
в долине?

29

Как песня, странною натурой был
Богдан:
То тихий, ласковый, то вспыхнет, словно
порох,
То вдруг изобретет необычайный план:
«Скорее в Мексику!—На сцену!
Лишь в актерах
Спасенье!—На село! Трудиться меж
крестьян!»
Он по-ребячески мог заноситься
в спорах
И замок золотой в мечтах построить
вмиг,
Но хижины простой он в жизни
не воздвиг.

30

Студентом будучи, считался он
эсдеком,
Хоть вряд ли в партию когда-нибудь
вступал.

Но в схватках тех времен (сегодня
прошлым веком
Все это кажется!) порой и он бывал
Участником, борцом. На сходках,
с другом-греком,
Он «Варшавянкою» на баррикады звал.
И черносотенец его избил, Пахомов,
Когда страна моя стонала от погромов.

31

Бунтарский пыл его, мне кажется, на
том
И подошел к концу, хоть сердце
у Богдана
И билось честное, хоть было не по нем
Все низкое, и он возненавидел рано
Казарму и тюрьму, расцветшие кругом.
И задыхался он и верил: мир обмана
Чудесно сменится иным. Но он и сам
Пути надежного не ведал в дивный
храм.

32

Есть люди на земле и большего
масштаба,
Что, по-орлиному взлетая в синеву,
То обернутся вдруг визгливой старой
бабой,
А то и Плюшкиным... Но я не назову
Людей (немало их!), что соловья и жабу
Единовременно являют. Прослыву,

Быть может, мудрецом, похожим на
Пруткова.
Что ж! Ясен тайный смысл загадочного
слова.

33

На воды тихие пруда вернусь опять —
К веселым мотылькам, к цветам в их
сонной сини.
С них мне пришлось рассказ на старый
лад начать,
Хоть кое-что свое и я прибавил ныне...
Танцуя, поплавок мутит немую гладь!
Все мелкота одна: верховка, лещик
в тине...
Но сразу вглубь пошел гусиный
поплавок,
И рыбу в тот же миг рукою я подсек...

34

Но удочка дугой вдруг изогнулась
снова,
И леска, что струна, звенит меж
камышей,
И по воде круги пошли, и рыболовы
Трепещущую тень увидели под ней.
Вот и плавник мелькнул опалово-
лиловый,

Вот чешуя блестит... Смотри, среди
камней,
В борьбе с крючком устав и обессилев
скоро,
Забилась рыба... Мы узнали краснопера.

35

И снисходительно Иван кивает мне
И тут же закурил и в поплавок
глазами
Впивается. Дрожит в лазоревом огне
Речная ширина. Спокойными волнами
Уходит вдаль река, разлившись
по весне,
Светла и глубока, обрамлена цветами.
И ветерок донес к нам с берега
сквозь шум
Знакомой песни звук. Поет Денис,
наш кум.

36

На каючке своем, что смастерил
умело,
Он, скромный браконьер, предутренней
порой
Обчистил невода,—теперь он может
смело

Удить и двигаться. Чуть дальше, над горой,
Взлетает кряква вверх. Тугое прозвенело
Крыло, как серебро. Стрижей взмывает рой.
И отголоском писк доносится до слуха:
То тенью коршуна испугана лисуха.

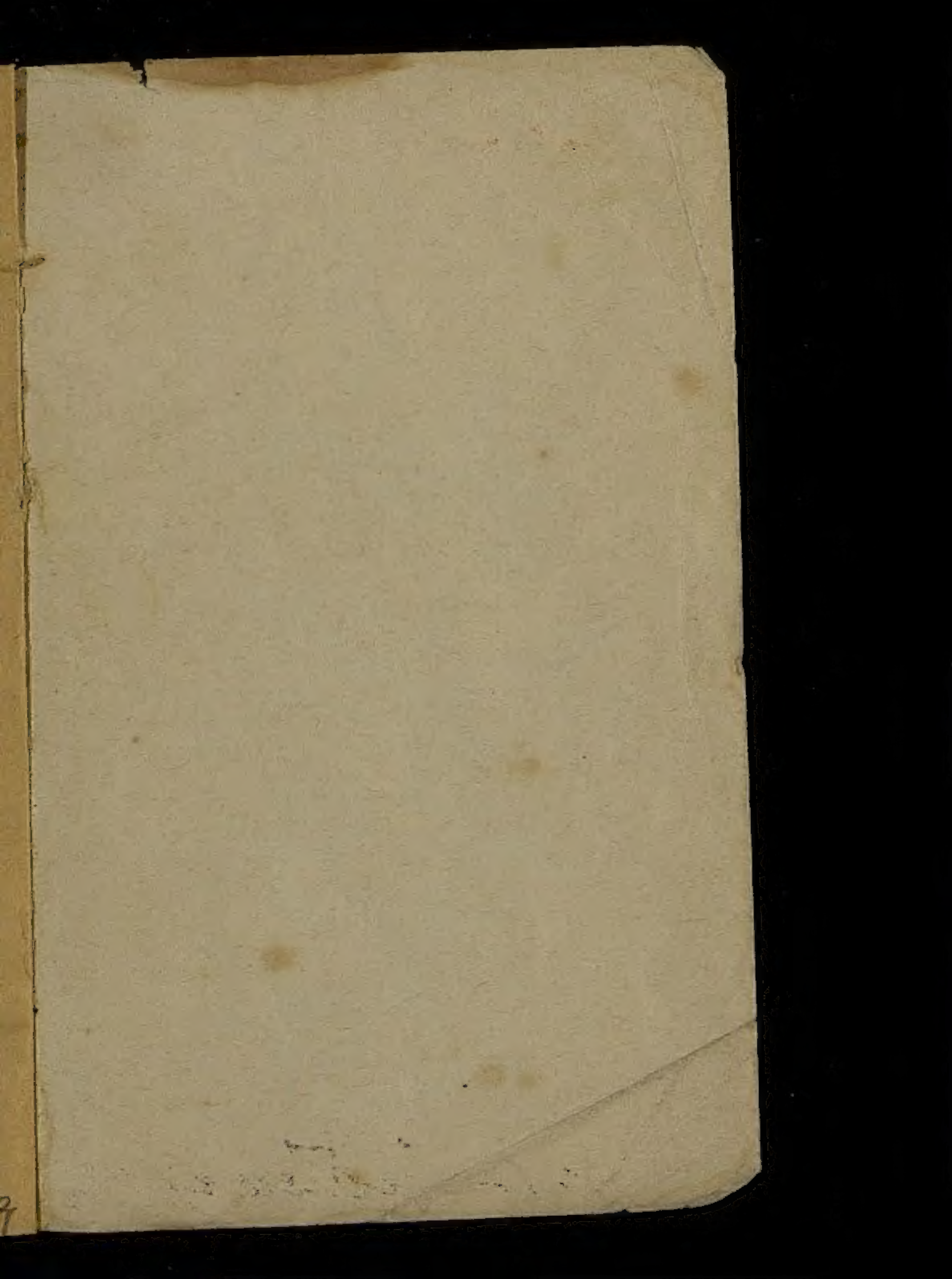
1942

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор А. Деев. Подписано к печати 24 апреля 1943 г. А 447. 1 9/16 п. л. 3,2 уч.-авт. л. Тираж 10000
Заказ № 302 Цена 2 р. 75 к.

-я типогр. ОГИЗа, Москва, 1-й Самотечный п., 17

Горбиблиотека

2 р. 75 к.